

МИКРОСИСТЕМА КРАСНОГО ЦВЕТА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Статья посвящена изучению развития значения на материале русской лексики красного цвета. Семантика красного цвета восходит к индоевропейскому периоду. В истории языка цветолексемы преобразовывались в полисеманты, которые, начиная с XVII в., распадаются и различно актуализируются. Сравнение семантических пространств цветолексем разных диахронических полей обнаруживает семантический изоморфизм, свидетельствующий о закономерном характере эволюции значения.

Ключевые слова: диахроническое поле, цветовой локус, цветообозначение (цветолексема), сема, семантическая структура, семантическое пространство, многозначность.

Abstract. The article is devoted to the studying of sense-development on a material of Russian lexicon of red colour. Semantics of red colour goes back to the Indo-European period. In the language history colourlexemes were transformed into polysemants which since the XVII-th century break up and are variously actualized. Comparison of semantic spaces of colourlexemes of different diachronic fields finds out the semantic isomorphism testifying to the natural character of sense evolution.

Keywords: a diachronic field, a colour locus, colour designation (a colourlexeme), sema, semantic structure, semantic space, a polysemy.

Историческое развитие семантики цветолексем продолжает оставаться одной из актуальных проблем исторической лексикологии. Актуальность научного исследования детерминируется актуальностью семасиологических задач, связанных с изучением механизма и закономерностей развития значения и до сих пор не получивших логического завершения. Сочетание научных парадигм современного языкознания – когнитивной и диахронической – создает качественно новые возможности для решения проблемы семантической эволюции слова.

Предметом научного анализа является семантика русской лексики красного цвета в ее развитии.

Цель данного исследования – определить особенности в семантической эволюции цветолексем, формирующих микросистему красного цвета в русском языке, и обозначить основные этапы этой эволюции.

В ходе научного анализа используются следующие методы: интегральный, метод семантических параллелей, восходящий к методу изосемантических рядов С. С. Майзеля, аддитивный, сопоставительный и сравнительно-исторический. Конститутивным методом исследования является интегральный: микросистема красного цвета в русском языке формируется на основе материала цветковых локусов, генерированных несколькими диахроническими полями.

1. Названия красного цвета относятся к группе цветообозначений, пережившей «наиболее значительные изменения» в истории русского языка [1, с. 108]. Это самая большая группа цветообозначений. Н. Б. Бахилина отмечает: «Одной из отличительных особенностей лексико-семантической группы

цветообозначений в русском языке является наличие в ней в любой исторический период наибольшего количества названий для красного цвета и его оттенков» [1, с. 31]. Уже в памятниках XI–XII вв., наряду с цветообозначениями *белый* и *чёрный*, использовались слова для названия различных оттенков красного цвета (*червлёный*, *чермный*, *багряный* и др.).

Во второй половине XVI в. в русских памятниках в качестве цветоименования появляется слово *красный*, сыгравшее значительную роль в судьбе лексико-семантической группы красного цвета, «быстро и интенсивно» вытеснив старые, общеславянские цветолексемы из ее состава. Это явление до сих пор не объяснено. Вряд ли «большие перемены в России XVI–XVII вв., движение населения в эпоху Смутного времени» и другие причины, перечисленные Н. Б. Бахилиной [1, с. 162], являются действительным основанием для вытеснения лексемы *червлёный* лексемой *красный*.

Важнейшим периодом в становлении современной колористической системы русского языка является XVII в., к концу которого абстрактная система цветообозначений русского языка была сформирована для основных цветов. Группа красного цвета в XVII в. находится в состоянии перестройки: древние цветообозначения утрачиваются, широко употребляется слово *красный*, которое к концу века приобретает доминантное значение.

2. Микросистема красного цвета в русском языке создавалась на основе материала цветовых локусов, развитых в разных диахронических полях. Цветолексемы, обозначающие оттенки красного цвета, восходят к индоевропей-

ским корням $\ast b\check{e}g:b\check{o}g$, $\ast r\grave{a}u:r\check{u}$, $\ast k\check{e}r:k\check{o}r$, а следовательно, генерированы в трех диахронических полях. Исследуем семантическое пространство цветовых локусов, составивших микросистему красного цвета в русском языке.

Цветовой локус диахронического поля с индоевропейскими корнями $\ast b\check{e}g:b\check{o}g$ представлен следующими цветолексемами: *багр*, *багрян*, *багряный*, *багрянец*, *багровый*, *багрец*, *багрецовый*, *багрянитый*, *багряничный*, *багряновидный*. Их производят от диалектных *багать*, *багатье*, *багач*, обозначавших «огонь, тлеющий под пеплом» [2, вып. 2, с. 33]. Перечисленные цветообозначения (далее в тексте – ЦО) первоначально передавали «цвет тлеющего огня». ЦО-когнаты называли яркий красный цвет: русск. *багряный* «ярко-красный, пурпурный, цвета крови» [3, вып. 1, с. 126], русск. диал. *багряный* «червлёный же, но менее густой, алее, без синевы; это самый яркий, но и самый чистый красный» и *багровый* «червлёный, пурпуровый, самого яркого и густого красного цвета, но никак не с огненным отливом, а с едва заметной просинью» [4, т. I, с. 36], *багрецовый* «красный, пурпуровый» [5, с. 57], др.-русс. *багровый* (богровый) «темно-красный, багровый» [6, вып. 1, с. 64], *багръ* «червлёный» [7, т. I, с. 38].

Цветовой диапазон ЦО-когнатов в русском языке ограничен оттенками красного тона. В других славянских языках ЦО, развитые в исследуемом семантическом поле, также последовательно сохраняют цвет тлеющего огня:

болг. багр Я н и ба́грѣн «темно-красный, багряный», сербохорв. *bagren* «пурпуровый», словен. *bagr ě n* «пурпурный, багряный», макед. *багри* «багрянить, румянить», сербохорв. *ба́гриѣти* «красить в красный цвет; румянить», словен. *bagrítì* «красить в пурпурный цвет» [8, вып. 1, с. 130]. Однако в укра-

инских говорах у слова *ба́грый*, кроме значения «темно-красный» (о корове), сохранилось значение «чёрный» (о корове же) [9, с. 144]. Архаичные ЦО-синонимы к слову *багрый* – *багрянѣтый*, *багрянѣчный*, *багрянѣвидный* [3, вып. 1, с. 126] – употреблялись в двух цветовых значениях: «ярко-красный, пурпурный, цвета крови» и «красно-коричневый» (цвета шерсти). Значение «кофейный» сохраняется в говорах русского языка. «Багряная, о гончей собаке, чисто-бурая, кофейная» [4, т. I, с. 36]. Слово *багряный* архаизировало также значения «бурый» (о масти) – «овцы все багряные» [6, вып. 1, с. 64] и «синий, голубой», сохранившиеся в русск. диал. *бакѣтый*. В семантическую парадигму цветового локуса входила сема «пёстрый», которую современный русский литературный язык совсем не знает. Багряный – «пёстрый, полосатый». Кошка у нас была багряная, *серая с пятнами, как черные пятна*. Платишко у ей багряное, *разные полосочки на ём*» [10, с. 14].

Исследуемые ЦО развили оценочную сему: *багряный* имело в истории русского языка значение «красивый» [11, с. 34]; *багрородный* и *багрянородный* значили «принадлежащий к царскому роду» [12, т. I, с. 103]; *багроносный* – «носящий багряницу, царственный», *багряница* – «торжественная пурпурная одежда», *багрянник* – «тот, кто носит торжественное облачение (лица царского рода; близкое к царю лицо)» [6, вып. 1, с. 64]. Слово *богатый*, родственное ЦО *багряный*, в русских говорах обозначает «хороший по своим качествам, свойствам; хороший, красивый, большой» [2, вып. 3, с. 45].

Слова *багрец*, *багрянец*, *багровый* и *багряный* до сих сохранили перечисленные цветовые значения. Отметим, что в современном русском языке данные цветообозначения утрачивают различия в обозначении цветовых оттенков. Ср.: «Багряный... То же, что багровый» – «Багровый ... Густо-красный, пурпуровый» [13, т. I, с. 55]; «Багрец ... то же, что багрянец» – «Багрянец... Густо-красный, пурпуровый цвет» [13, т. I, с. 54–55].

Древнейший цветовой локус, генерированный диахроническим полем с индоевропейскими корнями $\overset{\circ}{*ra}u : \overset{\circ}{r}i\check{}$, «сохранился в основных языках Европы как обозначение красного цвета до настоящего времени (напр. фр. rouge, нем. rot, англ. red). Славянские языки в общем не сохранили индоевропейский корень $\overset{\circ}{*rudh-}$ для обозначения собственно красного цвета, большая часть славянских языков, имея различные цветообозначения с корнем $\overset{\circ}{*rudh-}$, называют рудым не собственно красный цвет, а различные оттенки рыжебурого и коричневого» [1, с. 108].

Проанализируем семантическую структуру цветолексем, восходящих к индоевропейским корням $\overset{\circ}{*ra}u : \overset{\circ}{r}i\check{}$: *рыжий*, *рудый*, *русый*, *румяный*, *редрый* (*родрый*), *рдяный*, *рдеть*, *рдеться*. ЦО-когнаты обнаруживают в своем составе цветовые семы, сохранившиеся в индоевропейских языках: др.-инд. *rudhirá* «красный, рыжий» [14, с. 299] – англ. *red* «красный, рыжий» [15, с. 257, 559] – нем. *rot* «красный, рыжий» [16, с. 534] – др.-русс. *рыжидий* «рыжий, красноватобурый» [6, вып. 22, с. 274] – лит. *rūdas* «бурый» – лат. *rūfus* «красный» – сербохорв. *p̃ ū d* «рыжеватый» – словен. *rū d*, *rūda* «красный, коричневый» – чеш. *ruměný* «румяный» – лтш. *rusls* «коричневый» [17, т. III, с. 513, 517, 521] – укр. диал. *рудый* «коричневый», «загорелый», «серый» (о полотне) [9, с. 144] –

укр. *руністий* «зеленый» (о жите) [9, с. 149] – русск. *румяный* «румяный», «красный», «красноватый», «рыжеволосый» [6, вып. 22, с. 256] – русск. диал. *ржавый* «о веснушчатом, с рыжими волосами человеке» [18, вып. 8, с. 132],

рудоваты «рыжеватый», *руд Я ны* «рыжий, грязный», *руд Ы* «рыжий» [19, с. 231]. Мы видим, что превалируют значения «красный» и «рыжий», к ним присоединяются «бурый», «коричневый» и «зеленый». Семы «пестрый» и «светлый» входили в семантическую структуру цветового слова: слов. *rusy* «пестрый, пятнистый», *rusavy* «пестрый» [17, т. III, с. 521], укр. *рудый* «тигровой масти» (о котах, собаках) [9, с. 146], хорут. *rumena psenica* (румяная пшеница – светлая, золотистая, румяная) [20, с. 313]. Явных оценочных значений у ЦО-когнатов мы не обнаружили, однако ограниченность фактического материала и семантические структуры ЦО других этимологических гнезд указывают на то, что они в каких-то языках, в каких-то говорах могут быть найдены.

ЦО этого диахронического поля не нашли широкого отражения в памятниках письменности и устном народном творчестве. Н. Б. Бахилина анализирует три слова из данной микросистемы цвета – *рудый*, *румяный*, *рдеть(ся)*, отмечая при этом присутствие в письменных источниках слов *ред-рый* и *рыжий*. ЦО *рудый* до XIX в. вообще не отражено в памятниках, слова *румяный* и *рдеть(ся)* были ограничены в употреблении. В сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» на 159 употреблений цветолексемы *красный* приходится одно ЦО *румяный* («у окна в далеком тереме сидит красавица царевна, *румяна*... тонкокожа... («Семь Симеонов») и два употребления ЦО *русый* («...стал расчесывать мертвой красавице *русую* косу да цветами голову убирать» («Волшебное зеркальце»), «стригла свои косы *русые*, нарядилась музыкантом... и отправилась в путь дорогу дальнюю» («Царница-гусляр»). В русских народных сказках сохраняется уникальный пример *зарыдать* («загореться»), описанный А. А. Потебней [20, с. 297]. В сказке «Напуганные медведь и волки» читаем: «...добыл мурлышко бересты, обернул козлу рога..., стукнулись козел с бараном, да таково крепко, что искры из глаз посыпались; берестечко так и *зарыдало*» [21, с. 57]. Слова *зарыдать* и *зардеться* родственны. *Зардеться* в словаре В. И. Даля обозначает «начинать рдеть, стать краснеть, багроветь, разгораться, созревать» [4, т. I, с. 627]. В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского запечатлено слово *обрыдаться* («краснеть, стыдиться») [7, т. II, с. 552]. В сказках сохраняются два употребления ЦО *рыжий* («Припалил *рыжую* шерсть – бежит *рыжий* конь» («Иван Сученко и Белый Полянин»). Примеры показывают, что цветообозначения исследуемого поля фиксировались в письменных и устных источниках редко и уже в современных значениях, будучи закрепленными как ЦО за определенными предметами. Так, слово *русый* издревле сочеталось со словом *волосы*, хотя М. А. Суворцова отмечает, что *rusy* «в древнепольском языке могло обозначать цвет волос, кожи человека. Слово *rusy* могло сочетаться со словом *лицо*, в этом сочетании оно обозначало «загорелый, смуглый, румяно-черный» [22, с. 143]. ЦО *румяный* сочеталось со словом «лицо», *рыжий* обозначало масть животных, а позднее волосы. Н. Б. Бахилина полагает, что слово «рыжий» – древнее общеславянское, употреблялось ограниченно, только в названии масти

скота. Первое его употребление как названия цвета волос у человека фиксируется не ранее конца XVII в., когда утратилось цветообозначение «чермный», которое использовалось в этой функции» [1, с. 105]. До такой семантической дифференциации диапазон ЦО был, конечно, шире, а значит, шире была их валентность (ср., например, *рудой* комар – «рыжий» комар). Мы уверены, что углубленное изучение индоевропейских языков и их говоров позволит увеличить фактический материал по ЦО, а следовательно, расширить набор цветовых сем в их семантической структуре. Ранняя актуализация конкретных цветовых сем, устойчивая валентность, а также доминирующее положение ЦО *красный* определили ослабленный статус цветообозначений с

индоевропейскими корнями $\overset{\circ}{*}rauc: \overset{\circ}{g}h_2$ в истории русского языка. В современном русском литературном языке ЦО *рудый* (*рудой*) и *редрый* (*родрый*) отсутствуют, ЦО *рыжий* употреблено в значении «красно-желтый» [13, т. III, с. 745], *русый* – «светло-коричневый» (о волосах) [13, т. III, с. 742], *румяный* – «алый, густо-розовый» [13, т. III, с. 741], *рдяный* – «красный, алый», *рдеть и рдеться* – «выделяться своим рдяным цветом», «красить», «становиться рдяным» [13, т. III, с. 688].

В диахроническом поле с индоевропейскими корнями $\overset{\circ}{*}k_{er}g: k_{og}$ цветовой локус представлен цветоименованиями *чермный*, *червчатый*, *червленный* (*черленый*), *черемный* (*черемый*), *жаркой*, *жаркий*, *жарковый*, *жаровый*, возможно, *шар*, *шаровный*. Семантический диапазон лексем данного цветового локуса широко представлен в языках-когнатах: др.-инд. *karaṭas* «темно-красный» [17, т. II, с. 343] – др.-русс. *чермьныи* «красный, багряный», «огненно-красный, рыжий», «огненный», «окровавленный» [7, т. III, с. 1559–1560] – польск. *czzerwony* «красный, золотой» [17, т. IV, с. 335] – болг. *зачервя се* «по-краснеть» [23, с. 125] – укр. *червоний* «красный», «алый», «багровый» [24, т. II, с. 380] – чеш. морав. *červený* «русый» [20, с. 313] – болг. *червѣн* «красный», *червенокос* «рыжий», *червило* «румяна» [23, с. 495] – русск. *шáровый* «серио-дымчатый» [25, т. 17, с. 1288] – русск. диал. *жаркóй* «огненный, красно-желтый» (уральск.) [26, т. I (2), с. 728], *жаркóй* «оранжевый» (красноярск.) [27, с. 90], *жáркий* «огненного цвета, оранжевый» (брянск.) [28, с. 60], *жáровый* «оранжевый» (брянск.) [28, с. 60], *жаркóй* «оранжевый» (забайкальск.) [5, с. 111], *жаркóвый* «оранжевый» (арханг.) [29, т. II (1), с. 72], *черемный* «рыжеволосый» (вятск., пермск., сиб.) [17, т. IV, с. 344], *черемый* «гнедой или бурой масти (о корове)» (забайкальск.) [5, с. 513] и т.д. Как видим, диапазон значений ЦО-когнатов широк и обозначает следующие цветовые оттенки красного цвета: «красный», «багряный», «огненно-красный», «рыжий», «золотой», «алый», «багровый», «оранжевый». Отметим прежде всего, что цветовой диапазон, представленный ЦО диахронического поля с индоевропейским корнем $\overset{\circ}{*}k_{er}g: k_{og}$, совпадает с цветовыми спектрами других диахронических полей. В семантической структуре слова, кроме перечисленных цветовых оттенков (сем), присутствовала сема «пестрый» (ср.: болг. *шáрен* «пестрый, разноцветный» [23, с. 502], *kéršis* «вол пестрой масти» [23, с. 502], болг. диал. *gáres* «со светлой шерстью на животе и темной по всему телу (о козе)», «светлый, блестящий» [8, вып. 6, с. 102] (ср.: др.-инд.

gh r ̇ n̄ ȯ ti «светит, пылает» [30, ч. I, с. 176], др.-русс. *чермнзорный* «с красным блеском» [7, т. III, с. 1559]), а также сема «оценка» (ср.: укр. *гарний, харний* «красивый, хорошенький» [17, т. IV, с. 267]). Семантическая структура ЦО с индоевропейским корнем **k̑er*: *k̑og* свидетельствует о том, что предмет-эталон цветоименования был многоцветным, светлым (сиял, излучая свет) и рождал прекрасные эстетические ассоциации. Цветовой locus, развитый в диахроническом поле с индоевропейским корнем **k̑er*: *k̑og*, самый обширный в русском языке, наиболее богат абстрактными цветообозначениями.

3. Особое место в микросистеме красного цвета русского языка принадлежит цветолексема *красный*. Это единственное цветообозначение, которое последовательно исключается из диахронической системы, восходящей к индоевропейскому началу. В связи с этим лексема представляет огромный интерес. Общепринятым этимологическим решением этого загадочного (Н. Б. Бахилина) слова является решение, предложенное О. Н. Трубачевым: «Семантически * *k̑asa* убедительно реконструируется как «цвет жизни», откуда затем – «красный цвет (румянец (лица))», «цветение, цвет (растений)» и, наконец, более общее – «красота» [8, вып. 12, с. 97]. По мнению О. Н. Трубачева, «слово *красный* – праславянская инновация, не имеющая соответствий в других языках» [8, вып. 12, с. 97]. Отсутствие эксплицитных соответствий в других языках привело к тому, что слово *красный* превратилось в своего рода аномалию. Достаточно сказать, что цветовое значение этого слова стало различаться в письменных источниках только с XVII в. (именно различаться, а не появилось). Вероятно, так произошло не потому, что у этого слова не было цветового значения, а потому, что древнее значение было диффузным (это отмечают все исследователи русского фольклора), а оценочность у лексемы *красный* всегда преобладала настолько, что принималась за единственное значение. У Н. Б. Бахилиной читаем: «Прилагательное *красный* – древнее общеславянское, в своем первоначальном значении «красивый», «прекрасный» известно во всех славянских языках, кроме русского, где сохранились лишь некоторые следы старого употребления» [1, с. 162].

Отметим, что лексема *красный* выделяется на фоне других ЦО русского языка тем, что, во-первых, не имеет «цветовых родственников» (ср.: у ЦО *черный* – в др.-прусс. *kirsnan* «черный», лит. *kėršas* «пятнистый» [17, т. IV, с. 346]). У ЦО «*красный*» таких соответствий нет (у О. Н. Трубачева: «праславянская инновация, не имеющая прямых соответствий в других языках»); во-вторых, это ЦО не имеет индоевропейского начала; оно возникает, по данным науки, в общеславянский период на базе слова *краса*, которое якобы не имеет в своей семантической структуре семы «цвет», чего нельзя сказать о других ЦО русского языка: голубой, бурый, синий, желтый, рыжий и т.д.; в-третьих, обращает на себя внимание «интенсивный» характер продвижения слова в систему абстрактных ЦО русского языка, сформированную в конце XVII в. Почему слово, так поздно ставшее цветовым, получило столь серьезный статус? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем сравнить его с другими ЦО, с их системами. Другие ЦО русского языка (синий, серый, багряный, белый и др.) формируются внутри диахронических полей, восходящих к ин-

доевропейскому периоду. Общим у ЦО «красный» и у других ЦО является следующее. Во-первых, ЦО «красный» имеет широкий спектр оценочных значений. У всех других ЦО также есть оценочные значения (они последовательно развивались в каждом семантическом поле и отражали познание человеком окружающего мира и оценку реальной действительности): *золотой, зеленый, желтый, багряный (багрянородный, багрородный), белый* и т.д. Во-вторых, лексема *красный* проявляет значение «светлый, сияющий, с блеском»: ср. русск. диал. *красіво* «солнечный свет» [8, вып. 12, с. 100], польск. *kraśnieć* «пылать, сиять» [8, вып. 12, с. 106], русск. диал. *красить* «светить» (о солнце) [8, вып. 12, с. 99]. В семантической структуре других ЦО тоже есть сема «блестящий» – *золотой, желтый, белый, синий (от сиять)* и др. В-третьих, ЦО «красный» отличается цветовой многозначностью. Оно *полисемантично*: «рудой, алым, чермным, червленой, кирпичный, малиновый, огневой и прочие разные оттенки и густота» [4, т. II, с. 187]: в олонецких говорах русского языка *красеть* «краснеть» и «желтеть» [8, вып. 12, с. 98]; др.-русск., русск.-цслав. *красьнии* обозначало одновременно «красный, бурый, рыжий, карий, коричневый с красноватым оттенком» цвета [8, вып. 12, с. 109]. Это есть и у других ЦО (они тоже развивались на базе емкой цветовой семы «пятнистый», «пестрый» (на базе полихромной семы): русск. диал. *багряный* – «червлёный» [7, т. I, с. 39], «пестрый, полосатый» [2, вып. 2, с. 35]. В-четвертых, ЦО «красный» обнаруживает в своей семантической структуре сему «пестрый»: др.-русск., цслав. *красьнии* «цветной» [8, вып. 12, с. 109], русск. диал. *красёти* «рябить, мерцать, мелькать» [8, вып. 12, с. 98], ст.-польск. *krasny* «цветной» [8, вып. 12, с. 109], польск. *krasy* «пестрый, разноцветный» [8, вып. 12, с. 105], укр. диал. *красий* «рябой (о животном)» [8, вып. 12, с. 105] и др. У всех исследованных ЦО есть сема «пестрый, цветной»: лит. *kėršas* «черно-белый, пятнистый» [17, т. IV, с. 346], русск. диал. *багряный* «пестрый, полосатый» («Ишь, багряный бык пошел») [2, вып. 2, с. 35]. В-пятых, производящее *краса* реализует широкий спектр значений, отражающих не только «цвет жизни», а окружающий человека мир со всеми значимыми предметами: слово *краса* обозначает место, явления природы (зарю, раду), растения, животных, людей, т.е. своими корнями уходит в индоевропейский период и обнаруживает наличие общего с другими ЦО семантического архетипа – «окружающий мир, значимое». Опираясь на сказанное, можно предположить, что слово «красный» должно было развиваться *идентично* и иметь *строго определенное место* в лексико-семантической системе индоевропейских языков. Не может ли это место оказаться рядом со словом *черный*, в его диахроническом поле? Поставленный вопрос ждет своего исследователя.

Анализ микросистемы красного цвета в истории русского языка позволяет сделать следующие выводы:

1. В семантической эволюции цветолексем можно выделить следующие особенности: а) все цветолексеммы в ходе исторического развития генерировали **множество цветовых значений** (создавались цветные полисеманты): напр., др.-рус. *красьнии* «красный, бурый, рыжий, карий, коричневый с красноватым оттенком»; б) историческая полисемантичность цветолексем носила **гетерогенный характер** (ср.: рус. диал. *багряный* «червлёный», «чисто-бурый, кофейный» и «пестрый, полосатый»); в) все цветолексеммы, назы-

вающие оттенки красного цвета, закономерно развивают **оценочную сему**: рус. *багряный* «красивый», *красный* «красивый, прекрасный»; г) семантическое пространство цветowych слов, развитых в разных диахронических полях, одинаково, что свидетельствует о закономерном развитии семантики цвета. **Семантический изоморфизм** проявляется в последовательной генерации цветолексемами, принадлежащими разным диахроническим полям, идентичных значений. В микросистеме красного цвета эти значения следующие: «красный», «бурый», «пестрый», «рыжий», «румяный», «красивый» и др.

2. Семантическая хронология лексики красного цвета основана на следующих положениях: а) лексика красного цвета в русском языке преимущественно общеславянская; б) цветовая семантика – древних общеславянских «фонетических оболочек». Она восходит к индоевропейскому периоду, на что указывают родственные слова: коричневый – чермный (ср.: др.-инд. *kṛmich* «красный, багряный, огненно-рыжий», лит. *kėršas* «черно-белый, пятнистый»); рудый – русый – румяный (ср.: лит. *raiūdas* «красный, буланый», лтш. *raiūds* «красный, рыжеватый, коричневый»); в) письменные памятники отражают период в эволюции цветообозначений, когда их семантическая множественность увеличивается «до предела» и начинается распад цветowych полисемантов.

Список литературы

1. **Бахилина, Н. Б.** История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
2. Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т рус. яз., Слов. сектор. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1965–2002. – Вып. 1–36.
3. Словарь русского языка XVIII века. – Л. : Наука, 1984–2001. – Вып. 1–12.
4. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978–1980. – Т. I–IV.
5. Словарь русских говоров Забайкалья. – М. : Наука, 1980. – 472 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–2000. – Вып. 1–25.
7. **Срезневский, И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1893–1912. – Т. I–III.
8. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974–2001. – Вып. 1–28.
9. **Москович, В. А.** Из полесской терминологии цветообозначений / В. А. Москович // Полесье. – М. : Наука, 1968.
10. Словарь русских говоров Новосибирской области. – Новосибирск : Сиб. отд-е, 1979. – 506 с.
11. Рукописный лексикон первой половины XVIII в. – Л. : ЛГУ, 1964. – 402 с.
12. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. : в 10 т. – М. : Русский язык, 1988–2002. – Т. I–V.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. I–IV.
14. **Маковский, М. М.** Историко-этимологический словарь английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры / М. М. Маковский. – М. : Диалог, 2000. – 416 с.
15. Русско-английский словарь: Около 55000 слов / под общ. рук. А. И. Смирницкого ; под ред. О. С. Ахмановой. – 16-е изд., испр. – М. : Русский язык, 1991. – 768 с.

16. Русско-немецкий словарь: Около 70000 слов и выражений / под ред. А. Б. Лоховица, А. А. Лепинга, Н. П. Страховой. – Изд. 6-е, испр. и доп. – М. : Сов. энциклопедия, 1965. – 710 с.
17. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1964–1973. – Т. I–IV.
18. Ярославский областной словарь. – Ярославль : Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. – Вып. 1–10.
19. **Расторгуев, П. А.** Словарь народных говоров Западной Брянщины / П. А. Расторгуев. – Минск : Наука и техника, 1973. – 294 с.
20. **Потебня, А. А.** Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 622 с.
21. **Афанасьев, А. Н.** Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1986. – Т. 1–3.
22. **Суровцова, М. А.** Выражение цветовых значений в общеславянском языке / М. А. Суровцова // Этимологические исследования по русскому языку. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – Вып. 8.
23. Болгарско-русский словарь: Около 58000 слов / сост. С. Б. Бернштейн. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 768 с.
24. **Черных, П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1993. – Т. I–II.
25. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев. – М. ; Л. : АН СССР, 1948–1965. – Т. I–XVII.
26. **Малеча, Н. М.** Словарь русских народных говоров среднего и нижнего течения реки Урал. Диалект уральских (яицких) казаков / Н. М. Малеча. – Уральск : УПИ им. А. С. Пушкина, 1976. – Т. 1–4.
27. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. – Красноярск : КГПИ, 1992. – 344 с.
28. Словарь брянских говоров. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976–1988. – Вып. 1–5.
29. Словарь русских говоров Алтая : в 4 т. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 1998. – Т. I–IV.
30. **Гамкрелидзе, Т. В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 3 ч. / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – Ч. 1, 2.

Кезина Светлана Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка,
Пензенский государственный
педагогический университет
им. В. Г. Белинского

Kezina Svetlana Vladimirovna

Candidate of Philology, associate professor,
sub-department of Russian language,
Penza State Pedagogical University
named after V. G. Belinskiy

УДК 81'373; 001.4

Кезина, С. В.

Микросистема красного цвета в истории русского языка (семантический аспект) / С. В. Кезина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 83–91.